

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ПОСЛЕДНЯЯ
ЁЛКА

Зинаида Николаевна Гиппиус

Последняя ёлка

Аннотация

«...Нам было тогда ужасно весело. Молодость, конечно, но и в молодости такое веселье, как в эти дни, – редкость. Словно воздух играл вокруг, как вино, и пьянил нас. Он, положим, и был такой, – зимний-то, горный воздух. Я расскажу вам эту историю, ничего, я люблю ее вспоминать, хоть и странно она кончается. Впрочем, вы в ней, может, и странного ничего не найдете: частный эпизод, „кончившийся естественной случайностью...“...»

Зинаида Гиппиус

Последняя ёлка

...Нам было тогда ужасно весело. Молодость, конечно, но и в молодости такое веселье, как в эти дни, – редкость. Словно воздух играл вокруг, как вино, и пьянил нас. Он, положим, и был такой, – зимний-то, горный воздух. Я расскажу вам эту историю, ничего, я люблю ее вспоминать, хоть и странно она кончается. Впрочем, вы в ней, может, и странно-ничего не найдете: частный эпизод, «кончившийся естественной случайностью...».

Собеседник мой поднял на меня милые голубые глаза и улыбнулся, отчего по худым щекам его поползли длинные складки. Но и в них было что-то милое, как во всем его тихом, отнюдь не печальном, лице: другого слова к нему, кроме «милое» и не подберешь. Мы встречались с этим человеком иногда, по вечерам, в небольшом парижском кафе. И я каждый раз был рад встрече, хотя разговаривали мы не много, и я почти ничего не знал о нем: знал, что он живет где-то в комнатке, неподалеку, что есть у него работа в одном инвалидном учреждении, – плетет корзины и сиденья стульев. То, что правой ноги у него нет, – деревянная, – не мешало бы взять, конечно, работу посложнее: но у него и правая рука не очень хорошо действует; к плетенью же ничего, приспособилась.

Вот и все почти, что я о нем знал – он был неразговорчив. Но в этот день, – один из суетливых предрождественских парижских дней, когда все кругом бежит, спешит, блестит и кучи пышных зеленых елок громоздятся на тротуарах, – в этом день, или вечер, я застал моего знакомя каким-то особенно радостным. Он сидел в привычном углу, за кружкой пива, и сразу мне улыбнулся. Мы заговорили о празднике, о елках. Тут-то он и предложил мне рассказать о своей «последней елке», когда было так «ужасно весело все время, почти до конца»...

* * *

...Я, конечно, не умею рассказывать, но вы не обращайтесь внимания, это я, как умею, для себя вспоминаю. Случилось тогда, что мы, ваша семья, да семья тетеньки моей, да еще третья, очень нам близкая и дружественная, поехали все из Петербурга, на рождественские праздники на Кавказ. Выбрали небольшой курорт горный, где летом и бывает народ, а зимой – мало: ведь у нас тогда, в России, зимний спорт в моду еще не входил, а в тот год военный, и вообще было не до новых мод. Ну вот, отправились мы, все вместе, – третья семья, впрочем, на два дня раньше уехала. Отцы, понятно, остались, не до путешествий: матери только; нас же, детей было человек двенадцать. Я говорю «детей», но собственно детей, и то не маленьких, лет 8-9, оказывалось всего двое, либо

трое (не помню уж), а другие – молодежь, одного, приблизительно, возраста, очень зеленого. Я – гимназист-шестиклассник, – первый ученик, извините! – брат Миша годом моложе, ну и кузены мои, и приятели, и куча барышен из трех семей, – все почти однолетки. «Старик» между нами был один. студент Порфирий, филолог-первокурсник, племянник дружеской семьи. Он был худой, неловкий, в очках и сначала не то важничал (20 целых лет!), не то стеснялся, но скоро мы и его захватили в нашу «банду». А мы именно сделались бандой. Как только увидели разноцветные искры солнца на снегах, как вдохнули этот белый, крепкий воздух, так словно с ума от веселья сошли: сбивались, с раннего утра, в кучу, и все бы нам бежать куда-нибудь по этой сияющей белизне, зарываться в нее, или на деревья лезть, тоже белые, с тяжело висящими ветками.

Кроме того, мы были влюблены; почти все, как я подозревал; о себе не подозревал, а твердо знал (и теперь знаю), что влюблен – в Женичку. Какая она, – что в этом? Я вот перед собой ее сейчас вижу, а глаза черненькие, раскосые немножко, – такие веселые! И губку верхнюю, чуть-чуть вперед, и пушок на щеках золотистый, – ну, а кто когда лицо так описал, чтоб другой его увидел?

Эти наши влюбленности еще усиливали, конечно, веселье (наверно каждый, как я, считал, что его любовь – самая важная и сильная). Но не думайте, что мы были просто-напросто щенки, в веселом восторге от хорошей погоды и от сво-

ей юности; мы были умная человеческая молодежь; мы знали, и по своему осознавали, что происходит в мире. По вечерам, случалось, заводили разные горячие споры. Часто говорили о войне. Одни жалели, что идти им на войну «рано», а когда можно будет – война, конечно, кончится. Другие стояли за Толстого, не очень, однако, решительно, – потому что ведь Россия; не погибать же ей? Только студент Порфирий, блестя очками, твердо заявлял, что ни на какую войну никогда не пойдет, и не из-за Толстого, а потому что война в принципе ущемляет культуру вообще и науку в частности. Все это были наивные отвлеченности, конечно, потому что никто из нас войны не знал и себе ее не представлял. Не отвлеченно было у нас одно это – никогда нас не покидавшее, в те дни, радостное веселье, не совсем даже обыкновенное; похожее... ну трудно объяснить... похоже на то, как если бы кто-то любящий нас и любимый, сделал нам, уезжая, последний и самый прекрасный подарок. Вы не поймете, и мы тогда не понимали, это я теперь так вижу. У нас было только ощущение – «все хорошо», и другое под этим, главное: «Все будет хорошо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.